

УДК 1:27(091) + 882

ББК 87.3(2)5:86.27 + 83.3(2)

Анастасия Георгиевна Гачева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, Московская высшая школа социальных и экономических наук, ведущий научный сотрудник; Библиотека № 180 имени Н.Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО, главный библиотекарь, научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: a-gacheva@yandex.ru

Христианство как «задача человечества». Образ будущего у Владимира Соловьёва

Аннотация. Рассматриваются футурологические представления В.С. Соловьёва, оказавшего глубокое влияние на литературу и философскую мысль конца XIX – первой трети XX в. Выявлена связь образа будущего у Соловьёва с ключевыми положениями его философской системы, в центре которой идея Царствия Божия, создаваемого не только Божественным действием, но и усилием человека. Подчеркивается проективный характер футурологии Соловьёва, опирающийся на идеалы Богочеловечества и всеединства. Осуществление этих идеалов философ связывает как с нравственным ростом личности, совершенствованием социального бытия, так и с перспективой преодоления наличного состояния природного мира, основанного на борьбе существ, вытеснении, смерти. Показано, что теократический идеал Соловьёва опирается на принципиальное единство цели и средств, догмата и заповеди, а его философские сочинения и публицистика намечают пути преобразования общественной практики в духе соборности, представляют текущую историю как поле благого сотрудничества Бога и человека.

Ключевые слова: творческое наследие Владимира Соловьёва, образ будущего, историософия, антропология, катастрофизм, оправдание истории, Царство Божие, богочеловечество

Anastasia Georgievna Gacheva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Leading researcher at the Department of modern Russian literature and literature of Russia Abroad, Leading researcher at the Moscow School of Social and Economic Sciences; Chief Librarian, researcher at the Fedorov's Library no. 180 of the OKC of the Southern Administrative District of Moscow, Russia, Moscow, e-mail: a-gacheva@yandex.ru

Christianity as “the Task of Humanity”. Vladimir Solovyov's Image of the Future

Abstract. The article examines the futurological ideas of V.S. Solovyov, who had a profound influence on literature and philosophical thought at the end of the 19th and the first third of the 20th centuries. It shows the connection between Solovyov's image of the future and the key postulates of his philosophical system, which centers on the idea of the Kingdom of God, created not only by Divine action, but also by human effort. The author emphasizes the projective nature of Solovyov's futurology, based on the ideals of Godmanhood and unity. The philosopher associates the realization of these ideals both with the moral growth

of the individual, the improvement of social existence, and with the prospect of overcoming the existing state of the natural world based on the struggle of beings, displacement, and death. It is shown that Solovyov's theocratic ideal is based on the principled unity of purpose and means, dogma and commandment, and his philosophical writings and journalism outline ways to transform social practice in the spirit of conciliarity, presenting current history as a field of good cooperation between God and man.

Key words: Vladimir Solovyov's creative legacy, image of the future, historiosophy, anthropology, catastrophism, justification of history, Kingdom of God, God-manhood

DOI: 10.17588/2076-9210.2025.1.147-161

В русской мысли XIX в. много фигур, важных для той рефлексии по поводу будущего, неразрывно сопряженного с путями истории и перспективами человека, которая разворачивалась в отечественной культуре первой трети XX века. Н.В. Гоголь, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, А.И. Герцен, Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышевский, Ф.М. Достоевский, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев – «вечные спутники» богоискателей и богостроителей, писателей, поэтов, художников, одушевленных волей к созиданию целостного строя жизни.

Трое последних здесь особенно значимы. Ни один из деятелей золотого века русской словесности, ни один из творцов этой эпохи не оказал такого глубокого влияния на движение философской, художественной, эстетической мысли XX века, как эти три современника. Творцы Серебряного века вышли из «Братьев Карамазовых» Достоевского, как писатели натуральной школы из гоголевской шинели¹, а деятели русского богоискательства в своих историософских и антропологических построениях апеллировали и к Федорову, и к Соловьеву, что афористически точно обозначил в своих «Воспоминаниях о Блоке» Андрей Белый: «Все искания и воплощения возникали проблемою связи Владимира Соловьева и Федорова с философией русской общественной мысли (с Лавровым и с Герценом)» [3, с. 119]. Стержневая тема эпохи Серебряного века, перешедшая по наследству и к эпохе 1920–1930-х гг., – тема будущего искусства, призванного стать жизнотворчеством, – была задана соловьевской эстетикой, обретавшей свои параллели в федоровской «Философии общего дела», более того – питавшейся ее идеями и пониманиями.

Внимание Соловьева, как и его духовных собратьев Ф.М. Достоевского и Н.Ф. Федорова, к образу будущего связано с представлением о христианстве как аксиологическом стержне истории, как «задаче человечества»², требующей не просто исповедания, но исполнения, с утверждением предельной активности существа, созданного по образу и подобию Божию, в осуществлении конечных

¹ О влиянии Достоевского на XX век см.: Достоевский и XX в.: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007 [1]; Келдыш В.А. Наследие Ф.М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019 [2].

² Соловьев В.С. Жизненный смысл христианства (Философский комментарий на учение о Логосе ап. Иоанна Богослова). М.: Унив. тип., 1883. С. 1 [4].

обетований Христовой веры³. Образ будущего у Соловьева неразрывен с образом Царствия Божия, благого, совершенного порядка реальности, в котором преодолевается борьба существ, смертность, болезнь, воцаряется братски-любовный строй мира. Мысль о том, что вся человеческая история должна быть движением к этому Царству, переходом от разрозненности к всеединству, пронизывает его творчество от первых философских опытов начала 1870-х годов до «Смысла любви» (1892–1894 гг.) и «Оправдания добра» (1894–1897 гг.), от статьи «Три силы» (1877 г.) и «Чтений о Богочеловечестве» (1878–1881 гг.) до «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899–1900 гг.), зачастую отождествляемых с позицией историософского пессимизма, но при более пристальном взгляде представляющих собой «условное» пророчество в духе идей Н.Ф. Федорова, направленное на то, чтобы словом пробудить спящих, картиной грядущего прихода Антихриста предотвратить торжество антихристианских сил в истории здесь и сейчас⁴. Как справедливо подчеркивает М.В. Максимов, исследовавший соотношение историософских и эсхатологических идей В.С. Соловьева в их глубинном единстве и взаимосвязи со стержневыми концептами его мысли – идеями Богочеловечества и Всеединства, эсхатологическая идея, понятая

---

³ Вот как пишет об этом М.В. Максимов, комментируя актуальность наследия Соловьева сегодня: «Заслуга В.С. Соловьева перед современным человечеством в том, что он понял христианство как задание, обращенное к человеческой свободе и активности» [5, с. 169].

⁴ На условный характер эсхатологии В.С. Соловьева, предполагающей вариативность конца и одновременно выстраивающей благоую перспективу истории, не раз указывали исследователи. См.: Максимов М.В. Соловьев и Запад: невидимый континент М.: Прометей, 1998. С. 136–216 [6]; Максимов М.В. Историософия «Трех разговоров» Вл. Соловьева // Русская философия: многообразие в единстве. VII Российский симпозиум историков русской философии. Москва, 14–17 ноября 2001 г. М.: МГУ, 2001. С. 136–141 [7]; Максимов М.В. Теократическое учение Вл. Соловьева: оценки и интерпретации // Соловьёвские исследования. 2004. Вып. 8. С. 150–172 [5]; Гальцева Р.А. Условная эсхатология Владимира Соловьева // Материалы II Междунар. симпозиума по творчеству Вл. Соловьева «Эсхатология Вл. Соловьева». М., 1993. С. 61–67 [8]; Гачева А.Г. Филология на службе философии: Опыт анализа «Трех разговоров» Владимира Соловьева // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2(26). С. 50–82 [9]. В последней работе показано, что в «Трех разговорах» Соловьев представляет два историософских сценария, направленных к конечному разрешению мирового процесса: первый, катастрофический, представлен в «Краткой повести об антихристе»; второй, миропреображающий, озвучивает господин Z, говоря о «вдохновении добра», действующем в человеке и через человека и ведущем к преобразению «лица и общества, народа и человечества, чтобы завершиться живым единством воскрешаемого былого с осуществляемым будущим в том вечном настоящем Царствия Божия, которое хотя и будет и на земле, но лишь на новой земле, любовно обрученной с новым небом» (см.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 730, 731 [10]). Тему активно-творческой эсхатологии применительно к В.С. Соловьеву подхватывает Д.В. Гусев (см.: Гусев Д.В. Антропологические аспекты эсхатологии в философской поэзии Вл. Соловьева и А. Белого // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 57–69 [11]). О том, что В.С. Соловьев в своем позднем творчестве представлял две эсхатологические версии – оптимистическую и пессимистическую – пишет Б.В. Межуев (см.: Межуев Б.В. «Перемена в душевном настроении» Вл. Соловьева 1890-х годов в контексте его эсхатологических воззрений // Соловьёвские исследования. 2005. № 2(11). С. 62–63 [12]).

как идея преобразования мира во всеединый богочеловеческий организм и активного соучастия в этом преобразении человека, присутствует у философа на всем протяжении его творческого пути⁵.

Перспектива будущего, по Соловьёву, состоит в восхождении от «природного человечества», которое пребывает в состоянии внутреннего обособления и взаимного противоборства и «никак не представляет собою братства»⁶, к богочеловеческому единству лиц, основанному на Христовой свободе. Смысл совершеннолетней активности человека в истории – в содействии «космическому росту»⁷ мира, раскрытию в бытии начал Царствия Божия, осуществлению «всемирной сизигии»⁸, когда радикально меняется самый принцип природно-космического бытия: «злая жизнь» природы, проходящая «в непрерывной вражде существ и сил»⁹, неизбежно и неумолимо влекущая к смерти, пресуществляется в одухотворенное, обоженное бытие, держащееся «бесконечной силой любви»¹⁰; «двойная непроницаемость»¹¹ вещей и существ, взаимно вытесняющих друг друга в пространстве и времени, сменяется их неслиянно-нераздельным единством, подобным единству ипостасей Пресвятой Троицы.

Отличие футурологических идей Соловьёва от прогрессистских теорий XIX в., ограничивавших прогресс сферой истории и принимавших законы природы как данность, которую человеку изменить не дано, в том, что он не полагают глухой преграды между процессом историческим и процессом космическим, что социальное и природное суть сообщающиеся сосуды и должны восходить к совершенному состоянию вместе. Иначе социальная гармония оказывается под дамокловым мечом слепой и смертной случайности, встает лицом к лицу с перспективой уничтожения: «Если нравственный порядок для своей *прочности* должен опираться на материальную природу как на среду и средство своего существования, то для своей *полноты* и совершенства он должен включать в себя материальную основу бытия как самостоятельную часть этического действия» [16, с. 392].

Эволюционный процесс для мыслителя не слеп и не случаен, он движется по линии «усложнения и усовершенствования природного бытия»¹², и это усовершенствование, по убеждению Соловьёва, сближающему его с Н.Ф. Федоровым, должно идти через внесение в природу нравственного начала: пре-

⁵ См.: Максимов М.В. Теократическое учение Вл. Соловьёва: оценки и интерпретации // Соловьёвские исследования. 2004. Вып. 8. С. 167 [5].

⁶ См.: Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 12 [13].

⁷ См.: Соловьёв В.С. Идея сверхчеловека // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 630 [14].

⁸ См.: Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 547 [15].

⁹ См.: Соловьёв В.С. Жизненный смысл христианства. С. 2.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ См.: Соловьёв В.С. Смысл любви. С. 540.

¹² См.: Соловьёв В.С. Идея сверхчеловека. С. 630.

одолеть атомарность и эгоизм в межчеловеческих отношениях можно будет только тогда, когда они будут побеждены в самых недрах природного бытия и слепой, разделенный, смертный порядок вещей преобразится во всеединый, бессмертный, основанный на всеобъемлющей любви – так, как это предполагает христианство, которое Соловьев, в свою очередь, разворачивает в сторону человеческой активности, утверждения центральной роли человека в Божественном домостроительстве.

Декларируя эту роль, задающую максимальный масштаб действию человека, Соловьев подчеркивает, что быть водителем твари к совершенству человек может только тогда, когда в нем самом совершается «внутренний рост»¹³, когда евангельский императив «Будьте совершенны как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48) становится для него основанием и мысли, и жизни. Художественный образ этого возрастания личности Соловьев запечатлел в стихотворении «В тумане утреннем неверными шагами...» (1884 г.), ставшем своего рода эталоном картины мира русского символизма и его образа человека – восходящего *de realibus ad realiora*, движущегося к новому – преображенному – состоянию бытия. Как и в поэзии романтизма, у В.А. Жуковского и Ф.И. Тютчева, пространственное движение, сопряженное с восхождением горé, представало здесь как путь к совершенной реальности. «Мой заветный храм»¹⁴ на вершине горы символически выражал преображенное состояние Вселенной, которое должно быть достигнуто благой активностью человека, соработавшего Творцу, о чем, размышляя о символике храма, много писал современник и собеседник Соловьева Н.Ф. Федоров¹⁵.

В стихотворении «В тумане утреннем...» нарисована идеальная, без откатов назад, хотя и трудная, требующая от личности колоссальных усилий картина движения в будущее, восхождения к совершенству. Реальный же путь человека к «заветному храму» оказывается отнюдь не линейен, что засвидетельствовал Ф.М. Достоевский устами Дмитрия Карамазова, возносящего гимн Богу и одновременно готового полететь в бездну «головой вниз и вверх пятнами»¹⁶. Это внутреннее противоречие личности, свидетельствующее о напряженной борьбе высших и низших начал в душе человека, «идеала Мадонны» и «идеала содомского»¹⁷, было внятно Соловьеву и в ранний период творчества, когда, солидаризируясь с Достоевским, он напоминал о законе эгоизма, стреножащего личность в

---

¹³ См.: Соловьев В.С. Идея сверхчеловека. С. 630.

¹⁴ См.: Соловьев В.С. «В тумане утреннем неверными шагами...» // Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 38 [17].

¹⁵ «Смысл же храма заключается в том, что он есть проект вселенной, в которой оживлено все то, что в оригинале умерщвлено, и где все оживленное стало сознанием и управлением существа, бывшего слепым» [18, с. 236].

¹⁶ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1996. С. 99 [19].

¹⁷ Там же. С. 100.

ее нравственном росте, искажающего социальные отношения, и противопоставлял эгоистической самости «принцип самоотрицания или любви»¹⁸ и в период построения теократии как опоры раздробленному человечеству, в котором оскудевает любовь, и в последнее десятилетие жизни, когда на самом себе с предельной остротой ощутил ту раздвоенность, которая, раз захватив человеческое сердце, держит его железной хваткой, не давая обрести чаемую цельность и полноту. Впрочем, как бы ни была напряженна эта борьба, Соловьев, апологет богочеловеческого идеала, верил, что она может и должна разрешиться «в сторону положительную»¹⁹. Об этом – программное стихотворение «Das Ewig Weibliche (Слово увещательное к морским чертям)» (1898 г.). Как бы ни усиливались силы зла, как бы ни стремились они посеять в красоту богосозданного мира «адское семя растленья и смерти»²⁰, против них встает сила любви. Злу не справиться с той внутренней тягой бытия к совершенству, которая вложена в него Творцом: «То, чего ждет и томится природа, / Вам не замедлить и не одолеть»²¹.

У позднего Соловьева, мистический опыт которого включал не только видения Софии Премудрости Божией, «Вечной Женственности», что «в теле нетленном на землю идет»²², но и борьбу с inferнальными силами, звучала осанна, прошедшая испытание «большим горнилом сомнений»²³. Если в начале своего философского пути молодой мыслитель, испытывая мощный духовный подъем, радостно-одушевленно пишет кузине Е.К. Селевиной: «Я не признаю существующего зла вечным, я не верю в черта» [23, с. 89], по-августиновски заявляя о неабсолютности и неонтологичности зла, то в предисловии к «Трем разговорам о войне, прогрессе и конце всемирной истории» он вопрошает своих современников, стоящих на пороге нового – двадцатого – века: «Есть ли *зло* только естественный недостаток, несовершенство, само собой исчезающее с ростом добра, или оно есть действительная сила, посредством соблазнов *владеющая* нашим миром, так что для успешной борьбы с нею нужно иметь точку опоры в ином порядке бытия?» [10, с. 636]. Однако и в том, и в другом случае Соловьев убежден в победе над силой зла, утверждая эту победу на непреложности Воскресения Христова, которое для него не предмет веры или неверия, но реальность

¹⁸ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. С. 11. Данный тезис, помимо отсылки к новозаветной этике, соединяющей представление о любви с образом жертвы «за други своя» (Ин 15:13), отсылает к построениям А.С. Хомякова, связывавшего «искреннюю, истинную и деятельную любовь» с «самоотрицанием эгоизма» (см.: Хомяков А.С. Письмо к издателю Т.И. Филиппову // Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 284 [20]).

¹⁹ См.: Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. С. 65.

²⁰ См.: Соловьев В.С. Das Ewig Weibliche (Слово увещательное к морским чертям) // Соловьев В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. С. 114 [21].

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ См.: Достоевский Ф.М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880–1881 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 86 [22].

земной и вселенской истории. Тяжба с антагонистом Творца совершается не в ситуации богооставленности, но поистине перед лицом Божиим: «Он *видел* дьявола и пререкался с ним; он *ощущал* присутствие Бога»²⁴. Исход этой тяжбы художественно представлен в «Трех разговорах»: опаматовавшееся человечество, преодолевшее искушение «поддельным добром»²⁵, восстает против Антихриста, встречает Христа, сходящего с небес на землю, воскресают праведники и на земле воцаряется тысячелетнее Царство Христово.

У Соловьева, сторонника идеи истории как работы спасения, вслед за тысячелетним Царством Христовым не следует нового торжества зла²⁶: миллениум предстает началом «нового неба и новой земли», ибо «безусловной границы между “здесь” и “там” в Церкви не полагается»²⁷. Человечество, со-работая Богу в истории, преобразуется из природного в богоподобное, обретает богочеловеческий статус. Более того, обретение этого статуса, влекущее за собой высветление всего строя жизни – личной, общественной, исторической – необходимое условие перехода от смертного, разорванного бытия, находящегося в состоянии противоборства, в бессмертное, всеединое, питаемое безграничной любовью.

Духовный наследник Ф.М. Достоевского, духовный собеседник Н.Ф. Федорова, Соловьев разделял с ними неприятие теории среды, согласно которой внешние обстоятельства определяют внутреннее состояние личности. Всем строем своих философских и публицистических произведений он утверждал обратное – влияние личности, нравственно преображенной или нравственно искаженной, на окружающую реальность, становящуюся соответственно то раем, то адом, как в «Краткой повести об антихристе...», где самолюбивый и себялюбивый, одержимый духом гордости «сверхчеловек», принимая сатанинский соблазн, строит Царство антихриста, в то время как старец Иоанн, образ которого напоминает о любимом ученике Христа апостоле Иоанне Богослове, тайнозрителе Апокалипсиса, призывает верных чад Церкви, отвергших антихристовы чудеса, «исполнить последнюю молитву Христову об учениках Его, чтобы они были едино, как Он сам с Отцом – едино»²⁸, и следствием этого призыва становится воссоединение Церквей, сокрушение антихриста, а затем и тысячелетнее Царство Христово, в котором находят свое разрешение и народные чаяния праведной земли, и интеллигентские искания социальной правды.

Фигура антихриста, по Соловьеву, воплощает предел отрицательной, са-

---

²⁴ См.: Величко В.Л. Владимир Соловьев: Жизнь и творения. СПб.: печ. Р. Голике, 1902. С. 164 [24].

²⁵ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 761.

²⁶ См.: Гачева А.Г. Филология на службе философии: Опыт анализа «Трех разговоров» Владимира Соловьева. С. 53–54; Гачева А.Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. С. 478–480 [25].

²⁷ См.: Соловьев В.С. Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 322 [26].

²⁸ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 759.

мостийной свободы, когда личность собственной волей отдает себя злу, выстраивая будущее, пусть и захватывающее поначалу своим размахом, но в конечном итоге ведущее к гибели, к катастрофическому финалу, несмотря на внешнюю притягательность и головокружительные достижения материальной культуры. Внешнее материальное благополучие, щегольский лоск цивилизации при отсутствии внутреннего горения, прогресс, лишенный христианского вектора, в представлении Соловьева заводят историю в глухой и безнадежный тупик²⁹. В «Краткой повести об антихристе» философ впечатляюще представляет тщету материократии, обеспложенность и духовную пустоту мира, отрекшегося от Христа, а значит, от подлинного своего назначения, и подкрепляет изобразенное словами народной поговорки: «Не все то золото, что блестит»³⁰.

Апостасийной перспективе истории Соловьев противопоставляет иную – анастатическую – перспективу, домостроительству гибели – «дело всемирного спасения»³¹, тотальной секуляризации, изгоняющей Творца из социальной, экономической, политической жизни, из образования, культуры, научного делания, – всецелое оцерковление жизни, богочеловеческую активность, преображающую все сферы общественной практики. Идеал теократии, развивавшийся мыслителем на протяжении десятилетий, трансформировавшийся, но не отброшенный и в завершающем периоде творчества, представал как совершенная, богочеловеческая модель устройства социального бытия, при которой достигается чаемое единство идеи и формы, духа и материальной организации. Как справедливо подчеркивает М.В. Максимов, теократия у Соловьева представляет собой версию благой, жизнеспасительной эсхатологии, открывающей «возможность благополучного разрешения человеческой истории»³². Подобно А.С. Хомякову, Ф.М. Достоевскому, Н.Ф. Федорову, Соловьев считает Церковь средоточием преображенного мира и полагает ее будущее на путях преодоления конфессиональных дроблений, восстановления единого организма Вселенской Церкви, призванного вобрать в себя все человечество: «Идеал всецерковности, вселенское братство, совершенное Царство благодати и истины, любви и свободы, – это есть будущее церкви» [29, с. XX].

В отличие от средневековых теократий Европы, не избегнувших компромисса с Евангелием, опиравшихся не только на христианскую этику, но и на политические институты, включавших принуждение и войну как необходимые ин-

²⁹ В.В. Сербиненко, рассматривая «Три разговора...» в контексте эсхатологической темы, видит в сочинении Соловьева изображение «“постисторического” будущего», в котором нет никакого качественного роста, никакого подлинного развития, сопряженного с нравственным и духовным усилием, но торжествует эклектика, «идеологическая всеядность», политическая эквилибристика, соседствующая с общественным равнодушием и цинизмом (см.: Сербиненко В.В. Образ «постисторического» будущего в «Трех разговорах» Вл. Соловьева // История философии. 2000. № 6. С. 4–14 [27]).

³⁰ См.: Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории. С. 761.

³¹ См.: Соловьев В.С. Из творческого наследия // Логос. Диалог Восток – Запад. Брюссель; Мюнхен; Москва, 1995. С. 269 [28].

³² См.: Максимов М.В. Владимир Соловьев и Запад: невидимый континент. С. 188.

струменты собирания социального целого, теократический идеал Соловьева утверждался на принципиальном единстве цели и средств. Обращаясь к судьбе Византии, философ полагал причину ее падения в том, что христианское вино, вливаясь в старые имперские мехи, не высветляло и не преображало их, не сообщало державному действию подлинной Христовой силы. «Понятие человеческой личности в ее безусловном значении было совершенно чуждо византийскому мирозерцанию»³³, а выработанный на Вселенских соборах догмат о Троице, неслиянно-нераздельном, питаемом безграничной любовью единстве Божественных лиц, так и остался предметом исповедания, но не исполнения. Подлинная теократия, по Соловьеву, требует соответствия внешнего и внутреннего, догмата и заповеди, устройства на евангельских началах как внутригосударственных, так и международных дел, следуя не принципу государственного эгоизма, а идее христианской политики³⁴. Теократия как идеал и проект будущего призвана воплотить принцип Троицы на всех уровнях социального бытия, воссоединяя распавшееся человечество в организме Вселенской Церкви; она призвана примирить исповедания, открывая возможность и Православному Востоку, и католическому и протестантскому Западу воссоединиться на началах соборности, а всему человечеству, собранному в единое тело Христово, стать проводником Божественного света в природно-космическую жизнь, преодолевая ее послегрехопадную сцепку со смертью. Тем самым теократия будущего становится ступенью к Небесному Иерусалиму, горнилом преображения земли в «новое небо и новую землю».

Проектируя будущий богочеловеческий путь, Соловьев намечает векторы трансформации текущей человеческой жизни и практики, высветляя подлинный – религиозный объем повседневности, ведь именно в такой повседневности, в ничем не примечательной Галилее, Иудее, Самарии... протекала жизнь и проповедь Иисуса Христа, завершившаяся Его Воскресением, которое изменило ход не только земной истории, но и всего мирового процесса. В публицистических статьях, объединенных в два выпуска сборника «Национальный вопрос в России»³⁵, во множестве других больших и малых статей, печатавшихся в русской периодике, наконец, в книге «Оправдание добра» философ вносит богочеловеческую оптику в вопросы экономики, политики, управления, науки, педагогики и культуры, поднимает, как сказал бы Достоевский, «на высшую ногу» национальный, юридический, уголовный, военный вопросы, бьет тревогу по поводу обезземеливания и иссушения почв, указывая на хищнический и эго-

---

³³ См.: Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 578 [30].

³⁴ Подробнее об идее христианской политики у В.С. Соловьева и русских религиозных мыслителей, утверждавших идею истории как «работы спасения», см.: Гачева А.Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы. С. 197–254.

³⁵ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 1 // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 257–408 [31]; Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 2 // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 409–639 [32].

истичный характер поведения человека в природе, в то время как человек призван к возделыванию мира как эдемского сада.

Выстраиваемый Соловьёвым образ будущего, согласно которому человечество собирает себя и одухотворяет природу, требует примирения веры и знания. Процесс развития мира, подчеркивает мыслитель, движется в направлении все большего усовершенствования органических форм, оплодотворения материи духом и обретает свой венец в человеке, который призван продолжить дело Божественного творения. Этот взгляд, как уже не раз было показано исследователями, корреспондирует с представлениями Н.Ф. Федорова, Н.А. Умова, В.И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена «о направленности эволюции, проходящей через человека и обретающей в его явлении в мир новое качество»³⁶. Глубинно родственны рожденный в набросках к сочинению «об истинной науке» (1881–1882 гг.) образ науки как «всемирной медицины», призванной противодействовать мировому распаду, исцеляя «омертвевшую природу и страдающее человечество»³⁷, и возникающий в «Трех речах в память Достоевского» (1882–1883 гг.) и лекции «Жизненный смысл христианства» (1882–1883 гг.) образ христианства как общего дела, выходящего за пределы храмового служения, вбирающего в себя все сферы действия человека в истории, стремящегося к обожению мира. Подобно Н.Ф. Федорову, Соловьёв считает науку частью богочеловеческого домостроительства, ведущего к созиданию Царства Христова.

При всей философской фундаментальности и академичности крупных сочинений В.С. Соловьёва в них налицо заряд проповедничества, более того – именно он дает ключ к смыслу текста. Тот же проповеднический пафос, пророческий дух, присутствует в лекциях мыслителя. Соловьёв – не педантичный, уравновешенный, застегнутый на все пуговицы преподаватель, ставящий своей задачей передать знание как таковое. По своему складу он – пророк, причем активно-христианский пророк, не просто предсказывающий, а проектирующий будущее. Неслучайно, когда в 1882 г., вдохновленный идеями Федорова, духовно заряженный чтением его рукописи и личными беседами, Соловьёв отправляется «в восторженном состоянии»³⁸ в Петербург и начинает курс университетских лекций, его волнует отнюдь не успеваемость слушателей, а их реакция на излагаемое им видение смысла и задач христианства и он более всего сокрушается, что «воскресение не как идея, а как факт не воспринимается ими»³⁹.

Наиболее известные публичные выступления Соловьёва – лекция в Кредитном обществе в марте 1881 г., в которой он призвал Царя простить убийц-

³⁶ См.: Гачева А.Г., Семенова С.Г. О космизме в энциклопедическом жанре // Московский Со-
крат: Николай Федорович Федоров (1829–1903): сб. науч. ст. М.: Академический проект, 2018.
С. 293–295 [33].

³⁷ См.: Соловьёв В.С. Об истинной науке // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник
за 1997 год. СПб.: Алетейя, 1997. С. 40 [34].

³⁸ См.: Федоров Н.Ф. В конце сентября 1881 познакомился с Толстым... // Федоров Н.Ф. Соч.:
в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 48 [35].

³⁹ Там же.

первомартовцев; знаменитые чтения по философии религии 1878–1881 гг., где разворачивалась широкая панорама природного и человеческого бытия, венчающаяся Царствием Божиим; лекция «О причинах упадка средневекового мирозерцания», прочитанная в октябре 1891 г., в которой говорилось о том, что «сущность истинного христианства есть перерождение человечества и мира в духе Христовом, превращение мирского царства в Царство Божье»⁴⁰; наконец, публичное чтение «О конце всемирной истории» 26 февраля 1900 г. – стремятся одушевить слушающих идеалом активного христианства, для которого делание и исповедание, мысль и жизнь суть одно, и одновременно предостеречь от недолжных путей и лжеидеалов, будь то атеистический социализм, капиталистическая материократия, мироотрицающая вера, национализм, отвергающий всечеловечность. И когда в «Трех речах в память Достоевского» Соловьев говорит о писателе как проповеднике «Истинной Церкви», вселенского христианства, «всемирного общего дела»⁴¹, он проецирует это определение и на себя.

К образу будущего, которое выстраивал Соловьев в своих сочинениях, лучше всего подходят слова философа Н.А. Сетницкого: «Идеал, по самому смыслу своему, есть крайнее, последнее и величайшее задание, к которому стремится человечество» [38, с. 79]. В творчестве Соловьева особенно отчетливо проявилась проективность русской мысли, роднившая ее с литературой, которая устремлялась в своих высших взлетах к построению целостного образа будущего, призванного воздействовать на настоящее, меняя пути истории.

Список литературы

1. Достоевский и XX в.: в 2 т. / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 752 + 576 с.
2. Келдыш В.А. Наследие Ф.М. Достоевского в философской и литературно-критической мысли Серебряного века русской литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 280 с.
3. Белый А. Воспоминания о Блоке // Эпопея: Литературный ежемесячник под редакцией А. Белого. Москва – Берлин, 1922. № 2. С. 123–273.
4. Соловьев В.С. Жизненный смысл христианства (Филос. коммент. на учение о логосе ап. Иоанна Богослова). М.: Унив. тип., 1883. 16 с.
5. Максимов М.В. Теократическое учение Вл. Соловьева: оценки и интерпретации / Соловьёвские исследования. 2004. Вып. 8. С. 150–172.
6. Максимов М.В. Соловьев и Запад: невидимый континент. М.: Прометей, 1998. С. 136–216.
7. Максимов М.В. Историософия «Трех разговоров» Вл. Соловьева // Русская философия: многообразие в единстве. VII Российский симпозиум историков русской философии. Москва, 14–17 ноября 2001 г. М.: МГУ, 2001. С. 136–141.
8. Гальцева Р.А. Условная эсхатология Владимира Соловьева // Материалы II Международного симпозиума по творчеству Вл. Соловьева «Эсхатология Вл. Соловьева». М., 1993. С. 61–67.
9. Гачева А.Г. Филология на службе философии: Опыт анализа «Трех разговоров» Владимира Соловьева // Соловьёвские исследования. 2010. Вып. 2(26). С. 50–82.

---

⁴⁰ См.: Соловьев В.С. Об упадке средневекового мирозерцания // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. С. 339 [36].

⁴¹ См.: Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 304, 305 [37].

10. Соловьёв В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635–762.
11. Гусев Д.В. Антропологические аспекты эсхатологии в философской поэзии Вл. Соловьёва и А. Белого // Соловьёвские исследования. 2012. Вып. 1(33). С. 57–69.
12. Межуев Б.В. «Перемена в душевном настроении» Вл. Соловьёва 1890-х годов в контексте его эсхатологических воззрений // Соловьёвские исследования. 2005. Вып. 2(11). С. 44–65.
13. Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 3–172.
14. Соловьёв В.С. Идея сверхчеловека // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 626–634.
15. Соловьёв В.С. Смысл любви // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 493–547.
16. Соловьёв В.С. Общий смысл искусства // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 390–404.
17. Соловьёв В.С. «В тумане утреннем неверными шагами...» // Соловьёв В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 38.
18. Федоров Н.Ф. Как может быть разрешено противоречие между наукою и искусством? // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 233–236.
19. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 5–511.
20. Хомяков А.С. Письмо к издателю Т.И. Филиппову // Хомяков А.С. О старом и новом: Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. С. 277–291.
21. Соловьёв В.С. Das Ewig Weibliche (Слово увещательное к морским чертям) // Соловьёв В.С. «Неподвижно лишь солнце любви...». Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 113–114.
22. Достоевский Ф.М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записной тетради 1880–1881 гг. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 42–87.
23. В.С. Соловьёв – Е.К. Селевиной. 2 августа 1973 // Соловьёв В.С. Собр. соч. Письма и приложение. Фототипическое издание. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970. Т. 3. С. 87–92.
24. Величко В.Л. Владимир Соловьёв: Жизнь и творения. СПб.: печ. Р. Голике, 1902. 205 с.
25. Гачева А.Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. 700 с.
26. Соловьёв В.С. Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 319–323.
27. Сербиненко В.В. Образ «постисторического» будущего в «Трёх разговорах» Вл. Соловьёва // История философии. 2000. № 6. С. 4–14.
28. Соловьёв В.С. Из творческого наследия // Логос. Диалог Восток – Запад. Брюссель; Мюнхен; Москва, 1995. С. 267–287.
29. Соловьёв В.С. История и будущность теократии: Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни. Загреб: Акционерная типография, 1887. 396 с.
30. Соловьёв В.С. Византизм и Россия // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 562–601.
31. Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 1 // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 257–408.
32. Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 2 // Соловьёв В.С. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1989. С. 409–639.
33. Гачева А.Г., Семенова С.Г. О космизме в энциклопедическом жанре // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903): сб. науч. ст. М.: Академический проект, 2018. С. 293–295.
34. Соловьёв В.С. Об истинной науке // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 год. СПб.: Алетей, 1997. С. 31–63.

35. Федоров Н.Ф. В конце сентября 1881 познакомился с Толстым... // Федоров Н.Ф. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Традиция, 1999. С. 48.
36. Соловьев В.С. Об упадке средневекового миросозерцания // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 339–350.
37. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 289–318.
38. Сетницкий Н.А. О конечном идеале // Сетницкий Н.А. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 2010. С. 61–530.

References

(Sources)

Collected Works

1. Fedorov, N.F. Kak mozhet byt' razresheno protivorechie mezhdru naukoju i iskusstvom? [How Can the Contradiction Between Science and Art Be Resolved?], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1995, pp. 233–236.
2. Fedorov, N.F. V kontse sentyabrya 1881 poznakomilsya s Tolstym... [At the End of September 1881, He Met Tolstoy...], in Fedorov, N.F. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vols., vol. 4]. Moscow: Traditsiya, 1999, p. 48.
3. Dostoevskiy, F.M. Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 14* [Complete Works in 30 vols., vol. 14]. Leningrad: Nauka, 1976, pp. 5–511.
4. Dostoevskiy, F.M. Zapisi literaturno-kriticheskogo i publitsisticheskogo kharaktera iz zapisnoy tetrady 1880–1881 gg. [Notes of a literary, critical and journalistic nature from a notebook of 1880–1881], in Dostoevskiy, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 30 t., t. 27* [Complete Works in 30 vols., vol. 27]. Leningrad: Nauka, 1984, pp. 42–87.
5. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирnoy istorii [Three Conversations About War, Progress and the End of World History], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 635–762.
6. Solov'ev, V.S. Chteniya o Bogochelovechestve [Readings about Godmanhood], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 3–172.
7. Solov'ev, V.S. Ideya sverkhcheloveka [The Idea of the Übermensch], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 626–634.
8. Solov'ev, V.S. Smysl lyubvi [The meaning of love], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 493–547.
9. Solov'ev, V.S. Obshchiy smysl iskusstva [The General Meaning of Art], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 390–404.
10. Solov'ev, V.S. Zametka v zashchitu Dostoevskogo ot obvineniya v «novom» khristianstve [A Note on Dostoevsky's Defense Against the Accusation of New Christianity], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 319–323.
11. Solov'ev, V.S. Ob upadke srednevekovogo mirosozertsaniya [On the Decline of the Medieval Worldview], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 339–350.
12. Solov'ev, V.S. Natsional'nyy vopros v Rossii. Vyp. 1 [The national question in Russia, Issue 1], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 257–408.
13. Solov'ev, V.S. Natsional'nyy vopros v Rossii. Vyp. 2 [The national question in Russia, Issue 2], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 1* [Works in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 409–639.
14. Solov'ev, V.S. Tri rechi v pamyat' Dostoevskogo [Three speeches in memory of Dostoevsky], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1988, pp. 289–318.

15. Solov'ev, V.S. Vizantizm i Rossiya [Byzantism and Russia], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vols., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 562–601.

Individual Works

16. Belyy, A. Vospominaniya o Bloke [Remembering the Block], in *Epopeya: Literaturnyy ezhe mesyachnik* [Epopeya: Literary Monthly]. Moscow; Berlin, 1922, no. 2, pp. 123–273.

17. Khomyakov, A.S. Pis'mo k izdatel'yu T.I. Filippovu [Letter to the Publisher T.I. Filippov], in Khomyakov, A.S. *O starom i novom: Stat'i i ocherki* [About old and new: Articles and essays]. Moscow: Sovremennik, 1988, pp. 277–291.

18. Setnitskiy, N.A. O konechnom ideale [About the ultimate ideal], in Setnitskiy, N.A. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 61–530.

19. Solov'ev, V.S. Iz tvorcheskogo naslediya [From the literary heritage], in *Logos. Dialog Vostok – Zapad* [Logos. East–West Dialogue]. Bryussel'; Myunkhen; Moscow, 1995, pp. 267–287.

20. Solov'ev, V.S. *Istoriya i budushchnost' teokratii: Issledovanie vseмирno-istoricheskogo puti k istinnoy zhizni* [The History and Future of Theocracy: A Study of the World-historical Path to True Life]. Zagreb: Aktsionernaya tipografiya, 1887. 396 p.

21. Solov'ev, V.S. Ob istinnoy nauke [About True Science], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik za 1997 god* [Studies in Russian Intellectual History. 1997]. Saint-Petersburg: Aleteya, 1997, pp. 31–63.

22. Solov'ev, V.S. *Zhiznennyi smysl khristianstva (Filosofskiy kommentariy na uchenie o logose ap. Ioanna Bogoslova)* [The Vital Meaning of Christianity (Philosophical Commentary on the teaching of the Logos of the Apostle John the Theologian)]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1883. 16 p.

23. Solov'ev, V.S. «V tumane utrennem nevernymi shagami...» [“In the morning mist, with unsteady steps...”], in Solov'ev, V.S. «*Nepodvizhno lish' solntse lyubvi...*». *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [“Only the sun of love is motionless...”]. Poems. Prose. Letters. Memoirs of contemporaries]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1990, p. 38.

24. Solov'ev, V.S. Das Ewig Weibliche (Slovo uveshchatel'noe k morskim chertyam) [Das Ewig Weibliche (An admonitory word to the sea devils)], in Solov'ev, V.S. «*Nepodvizhno lish' solntse lyubvi...*». *Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma. Vospominaniya sovremennikov* [“Only the sun of love is motionless...”. Poems. Prose. Letters. Memoirs of contemporaries]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1990, pp. 113–114.

25. V.S. Solov'ev – E.K. Selevinoy. 2 avgusta 1973 [V.S. Soloviev – E.K. Selevina. August 2, 1973], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. Pis'ma i prilozhenie. Fototipicheskoe izdanie, t. 3* [Collected Works. Letters and an Appendix. Phototypic edition, vol. 3]. Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1970, pp. 87–92.

(Articles from Scientific Journals)

26. Gacheva, A.G. Filologiya na sluzhbe filosofii: Opyt analiza «Treh razgovorov» Vladimira Solov'eva [Philology in the Service of Philosophy: The Experience of Analyzing Vladimir Solovyov's “Three Conversations”], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2010, issue 2(26), pp. 50–82.

27. Gusev, D.V. Antropologicheskie aspekty eskhatologii v filosofskoy poezii Vl. Solov'eva i A. Belogo [Anthropological Aspects of Eschatology in the Philosophical Poetry of VL. Solovyov and A. Bely], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2012, issue 1(33), pp. 57–69.

28. Maksimov, M.V. Teokraticheskoe uchenie Vl. Solov'eva: otsenki i interpretatsii [Solovyov's Theocratic Teaching: Assessments and Interpretations], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2004, issue 8, pp. 150–172.

29. Mezhuiev, B.V. «Peremena v dushevnom nastroenii» Vl. Solov'eva 1890-kh godov v kontekste ego eskhatologicheskikh vozreniy [“Change in Mental Mood” by Vladimir Solovyov in the 1890s in the Context of his Eschatological Views], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2005, issue 2(11), pp. 44–65.

30. Serbinenko, V.V. Obraz «postistoricheskogo» budushchego v «Treh razgovorakh» Vl. Solov'eva [The Image of the “Post-historical” Future in “Three Conversations” by V. Solovyov], in *Istoriya filosofii*, 2000, no. 6, pp. 4–14.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

31. Gall'tseva, R.A. Uslovnaya eskhatologiya Vladimira Solov'eva [Conditional eschatology of Vladimir Solovyov], in *Materialy 2-go Mezhdunarodnogo simpoziuma po tvorchestvu Vl. Solov'eva «Eskhatologiya Vl. Solov'eva»* [Proceedings of the 2nd International Symposium on the Work of Vladimir Solovyov “Eschatology of Vladimir Solovyov”]. Moscow, 1993, pp. 61–67.
32. Gacheva, A.G., Semenova, S.G. O kosmizme v entsiklopedicheskom zhanre [On Cosmism in the Encyclopedic Genre], in *Moskovskiy Sokrat: Nikolay Fedorovich Fedorov (1829–1903). Sbornik nauchnykh statey* [Moscow Socrates: Nikolai Fedorovich Fedorov (1829–1903). The Collection of Academic Articles]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018, pp. 293–295.
33. Kasatkina, T.A. (red.) *Dostoevskiy i XX v.: v 2 t.* [Dostoevsky and the XX Century: in 2 vols.]. Moscow: IMLI RAN, 2007, 752 + 576 p.
34. Maksimov, M.V. Istoriosofiya «Treh razgovorov» Vl. Solov'eva [Historiosophy of “Three Conversations” by V. Solovyov], in *VII Rossiyskiy simpozium istorikov russkoy filosofii «Russkaya filosofiya: mnogoobrazie v edinstve», Moskva, 14–17 noyabrya 2001 g.* [The VII Russian Symposium of Historians of Russian Philosophy “Russian Philosophy: diversity in Unity”, Moscow, November 14th–17th, 2001]. Moscow: MGU, 2001, pp. 136–141.

(Monographs)

35. Gacheva, A.G. *Chelovek i istoriya v zerkale russkoy filosofii i literatury* [Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature]. Moscow: Vodoley, 2021. 700 p.
36. Keldysh, V.A. *Nasledie F.M. Dostoevskogo v filosofskoy i literaturno-kriticheskoy mysli Serebryanogo veka russkoy literatury* [The Legacy of F.M. Dostoevsky in Philosophical and Literary-critical Thought of the Silver Age of Russian Literature]. Moscow: IMLI RAN, 2019. 280 p.
37. Maksimov, M.V. *Vladimir Solov'ev i Zapad: Nevidimyy kontinent* [Vladimir Solovyov and the West: The Invisible Continent]. Moscow: Prometey, 1998. 242 p.
38. Velichko, V.L. *Vladimir Solov'ev: Zhizn' i tvoreniya* [Vladimir Solovyov: Life and creations]. Saint-Petersburg: pechatnya R. Golike, 1902. 205 p.